

18+

Женя Ли

Другое море

Рассказы и миниатюры

Женя Ли

**Другое море. Рассказы
и миниатюры**

«Издательские решения»

Ли Ж.

Другое море. Рассказы и миниатюры / Ж. Ли — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-838105-8

Кого бы вы ни встретили на своем пути — друга, недруга, просто незнакомца — загляните в его глаза и увидите другой мир, Другое Море. Грозное оно и бурное, или нежное и ласковое? Рискнете ли вы шагнуть в его волны? Или останетесь на берегу?

ISBN 978-5-44-838105-8

© Ли Ж.

© Издательские решения

Содержание

Узы крови	6
«Bloody Mary» 1	12
Другое море	13
Петля Нестерова	17
Охотник на солнечных зайцев	18
Пепел и пламя	19
Сыну от матери	20
Хватка	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Другое море Рассказы и миниатюры

Женя Ли

*Нилу Гейману,
Рэю Брэдбери,
Терри Пратчетту
и Кристоферу Ли
посвящается*

© Женя Ли, 2025

ISBN 978-5-4483-8105-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Узы крови

Моя девочка пришла из школы в слезах. Я спросил ее, что случилось. Она не хотела говорить. Но я же отец, я должен знать.

– Кати поранила палец. А я.. я всего лишь хотела, чтобы ей не было больно. Я слизала кровь... я... – Крис снова расплакалась, – я же ничего такого не сделала! А они стали дразнить меня вампиром! – она уткнулась личиком в мою грудь.

Нет. Не может быть! Этого не должно было случиться. Не должно. Но могло. В глубине души я знал это. Хотя убеждал себя в обратном. Я гладил мягкие волосы дочери. И не знал, что сказать.

– Паап, вампиров же не бывает?

– Нет, конечно.

Конечно, нет. Их не должно быть. Такие твари не имеют права существовать. Я знаю, что они делают с людьми – я видел. И потому я их уничтожал. И уничтожил многих. Но все же... я сохранил жизнь одному. Сам лично, осознанно. Чтобы сделать из его крови лекарство для моей больной дочери. Не дать ей умереть. Но я не думал, что это обратит ее. Нет, не думал. Не хотел думать и сейчас.

– Послушай, малыш. Если тебе будет плохо в этой школе, мы просто найдем другую. Мы можем уехать – куда угодно.

Крис посмотрела на меня заплаканными глазами:

– Но я не хочу снова переезжать. Мы уже столько раз переезжали.

– Мы можем остаться. Как ты хочешь. Все, что захочешь, малыш, – я схватил ее в охапку и прижался щекой к ее щечке.

– Пап, ты колючий.

– Прости. Забыл побриться. Хочешь, пойдем пообедать в «Лакки Бургер»?

Крис улыбнулась и кивнула:

– А ты купишь мне обед-с-сюрпризом?

– Конечно.

Кассир, улыбаясь, протянула нам коробочку с детским обедом. Крис схватила ее и пошла искать свободный столик. Я, грузеный подносом с бургерами, картошкой и колой, поплелся следом.

Мы уселись за столик у окна, и Крис сразу засунула руку в коробку в поисках игрушки. Достала запечатанный пакетик с фигуркой. Раскрыла... и замерла: на ее ладони лежал мультяшный пластиковый вампир. В камзоле, плаще и с клыками – все как полагается. Вернее, как представляют себе люди, рисующие детские мультики. Губы Крис дрогнули.

– Я куплю тебе другой набор, – я хотел схватить фигурку с ее ладони, но дочь сжала ее и отодвинула руку. Потом снова взглянула на игрушку:

– Он не виноват. И он милый, – улыбнувшись, она посмотрела на меня.

Я перевел дыхание:

– Ну... ладно. Пусть живет.

Крис рассмеялась.

В конце концов, он не настоящий. И совсем не похож на того, что прикован цепями в моем подвале. Совсем.

Игрушечного вампира Крис поставила на тумбочку возле кровати. И с чего она к нему привязалась? Потому что ее дразнили? Мое покушение на игрушку добавило ей ореол мученичества? Этот глупый кусок пластмассы меня раздражал. И я злился на себя за это. Дочь

охотника на вампиров играет с игрушечным монстром. Или это пугало меня после происшествия в школе? Как же трудно быть отцом семилетней девочки. Отцом-одиночкой.

Перед сном я дал Крис лекарство. Она, поморщившись, проглотила:

– Мне всю жизнь нужно будет его пить?

– Посмотрим. Как ты будешь себя чувствовать.

– Я чувствую себя хорошо.

– Значит, лекарство помогает, – я постарался улыбнуться и укрыл дочь одеялом, – Засыпай. Сладких снов.

Я ушел к себе в комнату. Взял руки банку с созданным мной снадобьем – осталось совсем немного. Нужно приготовить новую порцию. Это значило спуститься в подвал. Я убивал, считая это правильным и неизбежным. То, что мне нужно было сделать сейчас – неизбежно. Но правильно ли? Моя дочь должна жить. Она будет жить. Значит, правильно.

Я заглянул в детскую: Крис крепко спала, свернувшись калачиком. Хотел бы я, чтобы все сложилось иначе, малыш, но... Вдохнув, я закрыл за собой дверь и отправился к кладовую. Там, за стеллажами с разным барахлом, коробками и старой одеждой скрывался вход в подвал. Я постоял немного у открытой двери, глядя на ведущую вниз лестницу. Каждый раз мне казалось, что я спускаюсь во мрак могилы. Внизу было тихо. Но я почти не допускал возможности, что пленник мог освободиться – его сковывали особые цепи.

Он был молчалив и неподвижен – как всегда. Лишь черные глаза следили за моими передвижениями. Но в этом взгляде не было ни грамма эмоций. И, как ни странно, это тоже раздражало меня. Покрутив ворот, я натянул цепи так, что он оказался притянут к стене и практически не мог пошевелиться. Врезав его запястье ножом, я подставил склянку, чтобы собрать кровь. Рана быстро затягивалась, но я успел наполнить банку до краев. Из холодильника, стоявшего в противоположном углу подвала, я достал полиэтиленовый контейнер с донорской кровью и вернулся к пленнику. В первый раз в его глазах промелькнуло что-то похожее на эмоции – усталое отвращение. Он не просил пищи и отказывался принимать ее. Но мне нужна была его кровь, а даже у вампиров она не бесконечна – если ее не возмещать. Так что мне приходилось заставлять его: я открывал контейнер, и капля за каплей кровь падала на его сжатые губы, пока в какой-то момент он не выдерживал и не начинал пить. Весь этот процесс кровеообмена вызывал у меня отвращение ничуть не меньшее, чем у моего пленника. Но ради дочери я пошел бы и на большее. Он нужен был мне живым и наполненным кровью. Хотя я предпочел бы видеть его мертвым. Я зависел от него и от этого ненавидел еще больше.

Я уже поднимался по лестнице, когда услышал его голос:

– Я знаю, зачем ты это делаешь.

Лишь на мгновение замерев, я вышел из подвала и закрыл за собой дверь. Что он хотел этим сказать? Зачем он это сказал?.. Я даже не помнил, когда он в последний раз произнес что-то. А, может, мне это просто показалось? Теперь я не был уверен, что слышал голос на самом деле, а не лишь в моей голове. Но возвращаться и уточнять это я, конечно, не собирался. Я старался свести наши контакты к минимуму и уж тем более не показывать ему своих эмоций.

Поднявшись к себе наверх, я занялся приготовлением лекарства. Я столько раз повторял этот процесс, что действовал почти механически. И пытался не думать о том, как долго все это длится. Как долго моя дочь будет нуждаться в лекарстве? Сколько еще раз мне придется спуститься в подвал и сделать то, что я делал – стараясь не глядеть в эти мертво-черные глаза и не прикасаться к нему? Я старался относиться к нему как... к расходному материалу. Это был монстр и враг, но... я предпочел бы убить его и избавить себя и его от подобных отношений. Мне было легко убить его. Но вот так... черт, в глубине души я чувствовал себя садистом. Я спасал жизнь дочери. Но какой ценой? Своей душой и душой этого зверя в подвале – если она

есть у него – я готов платить. Но ее душой... Что мне делать, если она обратится? Что мне делать, Господи?

И что значили его слова? Было ли это угрозой? Ни на один вопрос у меня не было ответов. Я закончил работу и улегся в постель. Усталость навалилась на меня, едва голова коснулась подушки. И я провалился во мрак.

«Она моя. И ты знаешь это». Голос в моей голове. Его голос.

– Никогда она не будет твоей! Я не позволю.

«Ты уже позволил. Ты отдал ее мне. Сам». Тьма чуть рассеялась, и я увидел впереди его фигуру. Моя дочь стояла рядом, прижавшись к нему, как когда-то прижималась ко мне.

– Нет!

Я очнулся и сел на кровати. Ну уж нет, не бывать этому! Еще посмотрим, кто в чьей власти. Да, мне нужна его кровь – но кто мешает мне спедить ее всю и сделать запас? А там посмотрим. К счастью или к несчастью, но вряд ли он – последний вампир: я смогу найти другого. Или моя дочь сможет обходиться без такого лекарства – ей, и правда, было лучше в последнее время. Да и побочные эффекты... Я встряхнул головой, чтобы прояснить разум. Как бы то ни было, пришло время избавиться от этого чудовища. Я взял все необходимое и снова отправился в подвал.

Он знал, что я приду. И понял, зачем я здесь. Но не произнес ни слова. Лишь глаза его смотрели на меня, не отрываясь. Но теперь их взгляд не был безучастным – они горели, как два уголька во мраке. Я вскрыл его вены на обеих руках и поставил склянки для сбора крови. Через какое-то время раны затягивались, и мне приходилось делать это снова и снова. Я не смотрел на своего пленника, но чувствовал, что он слабеет. Не думаю, что у него был выбор или шанс, но он даже не пытался как-то остановить меня. Я не представлял, что за мысли у него в голове, и есть ли они там вообще. Я и сам предпочел не задумываться, действуя почти механически, но быстро и четко – я не хотел продлевать мучений ни ему, ни себе.

Кровь перестала капать из ран. Я закрыл последние склянки и убрал в холодильник. Ну вот и всё. Я подошел к пленнику, на мгновение взглянув на его – глаза его были закрыты. Привычным движением я приставил кол к его груди и ударил молотом.

КРИК.

Но нет, не монстра передо мной. Пронзающий душу детский голос откуда-то сверху. Я бросился в комнату дочери.

Крис лежала на постели, схватившись за сердце, и тело ее билось в конвульсиях. Нет-нет-нет! Я подхватил ее на руки. Она вдруг успокоилась, но, казалось, еле дышала. В лице – ни кровинки, глаза закрыты. Я нащупал пульс – слабый и редкий. Скорую? Вряд ли она ее дождет. Он был прав – они связаны. Но если так...

С дочерью на руках я понесся обратно в подвал. Пленник висел на цепях неподвижно, и впервые я боялся, что он окончательно мертв. Осторожно положив Крис на старые ящики у стены, я подошел к казавшемуся безжизненным телу и вытащил кол из его груди. Я не знал, как определить, жив ли он. И тем более не знал, как вернуть его к жизни. В отчаянии я схватил его за плечи и начал трясти. Я бил его по щекам, я готов был сделать все, что угодно... На мгновение мне показалось, что губы его дрогнули. Кровь! Конечно, чем еще можно вернуть к жизни вампира – а его я страстно желал вернуть. Я разрезал ножом свое запястье и прижал рану к его губам.

– Ну, давай же. Давай! Чертов сукин сын... Пожалуйста...

Он сглотнул и открыл глаза. Зубы впились в мою руку, но я готов был терпеть боль. И лишь когда его взгляд стал осмысленным, я не без труда вытащил руку из его захвата. Мы смотрели друг на друга, когда я услышал тонкий тихий голос за своей спиной:

– Папа, кто это? Почему он в цепях?

Я обернулся: Крис стояла рядом, переводя взгляд с меня на него и обратно. Я подхватил ее на руки и понес наверх:

– Я потом расскажу тебе. Позже, малыш.

И уже наверху лестницы меня снова настиг его голос:

– Спроси его о лекарстве, Кристин.

Я уложил Крис в постель и сам сел рядом:

– Как ты себя чувствуешь?

Она пожала плечиками:

– Не знаю, – и, поежившись, добавила, – Мне холодно. Я замерзла.

Я лучше укрыл ее одеялом, подоткнув его со всех сторон.

– Пап, почему я была в подвале? И почему там был ты? Я и не знала, что у нас есть подвал. А кто этот человек? И почему он там... на цепи?

– Тебе, наверное, всё это приснилось, – я страстно хотел, чтобы так оно и было.

– Ну па-ап, – Крис обиженно надулась.

– Хочешь, я принесу тебе горячего шоколада? С зефирками?

Она кивнула, уже менее сердито.

Я быстро сбегал на кухню, не желая оставлять ее надолго одну. Подогрел шоколад в микроволновке, бросил в чашку зефир и, перескакивая через ступеньки, вернулся в комнату дочери. Она лежала, закрыв глаза, и, казалось, спала. Во всяком случае, дыхание ее было глубоким и спокойным. Я присел на краешек кровати и отхлебнул из чашки. И лишь ощутив тепло шоколада внутри себя, понял, что тоже замерз. Я сидел, глядя на дочь, делая глоток за глотком, согреваясь, успокаиваясь. Постепенно мне самому стало казаться, что все произошедшее было лишь кошмаром, бредом моего усталого мозга. Я допил шоколад, поставил чашку на стол и пристроился на кровати рядом с моей малышкой.

Очнулся я оттого, что кто-то пытался снять с моей шеи шнурок, на котором висели ключи от подвала. Я осторожно приоткрыл глаза: Крис сидела рядом и осторожно вытягивала ключи, не замечая, что я смотрю на нее. Ее лицо в лунном свете казалось мне каким-то чужим.

– Милая... Зачем они тебе?

Широко раскрытые глаза Крис почти сердито смотрели на меня:

– Ты должен отпустить его. Ты мучаешь его! – голос ее задрожал, – Ты делаешь лекарство из его крови! Я что, теперь тоже вампир?!

Я резко сел и хотел прижать ее к себе. Но она отстранилась.

– Не-ет, ты не такая. Послушай... Ты не понимаешь: он – монстр! Чудовище, пьющее кровь...

– Как и я. Меня ты тоже посадишь на цепь, когда я вырасту?

– Что ты такое говоришь, Кристин...

– Ты должен отпустить его. Слышишь.

Я смотрел в ее глаза и не понимал, что происходит. Я переставал осознавать, кто я, кто она. И зачем это все. Я чувствовал лишь, что устал. Устал, одинок и потерян.

– Освободи его.

Я кивнул. Встал и поплелся в подвал. Боже, что я делаю? Я иду навстречу смерти. И веду туда дочь. Он убьет нас обоих. Разве нет? Но ноги мои шли и руки отперли дверь в подвал.

Уже в который раз за эту ночь я спускался во мрак. Но теперь мне казалось, что я делаю это в последний раз. Крис тихо и молча следовала за мной, словно тень.

Пленник безмолвно сидел у стены и смотрел на нас. Хотя кто теперь в чьем плену? Я отпер замки, сорвал все амулеты и сковывающие его цепи. И тут же железная хватка сдавила мое горло. Я оказался прижатым стене; ноги мои болтались, не доставая до пола. Удерживаемый его рукой, я висел, хрипя и задыхаясь.

– Нет! Отпусти папу! Ты обещал!

Я рухнул на пол. Горло саднило. Я судорожно вдохнул и закашлялся. Грохот разбиваемого стекла – он разметал склянки с его кровью – стены и пол покрылись кровавыми брызгами и осколками. Я отыскал взглядом Крис. Она была жива и невредима – слава Богу. Мой враг стоял рядом, склонившись к ней, и впервые я видел какое-то подобие человеческих эмоций на его лице:

– Ты пойдешь со мной?

Я замер, ожидая ее ответа. Глядя ему в глаза, Крис покачала головой. Я выдохнул.

– Ты уверена?

Она посмотрела на меня, потом на него – и кивнула. Я был готов броситься к ней, если бы он сделал лишь одно движение.

Но он даже не думал нападать – немного помедлив и даже не взглянув на меня, он направился к лестнице. Он уходил.

– Но она... умрет? – голос мой дрожал сильнее, чем мне хотелось бы.

Полуобернувшись, он ответил:

– Нет.

Он ушел.

Мы остались с Кристин вдвоем. Она подошла и, чуть улыбнувшись, сказала:

– Все хорошо, папа, – но улыбка ее была грустной. Она протянула мне руку:

– Пойдем.

Я сжал ее ладошку – она была чуть теплой – и вместе мы поднялись вверх.

За окном уже светало. Я был рад новому дню – надеялся, что он разгонит мрак в моей душе. Я все еще не знал, как жить дальше. Надо бы поспать, чтобы восстановить силы. Но... я боялся уснуть. Боялся снов и того, что может случиться, пока я сплю. Поэтому я пошел на кухню и сварил себе кофе. Крис сидела рядом на стуле, болтая ногами и глядя в окно. От завтрака она отказалась, сказав, что еще слишком рано. Она была бледной и уставшей, но все еще похожей на мою дочь, мою маленькую девочку. Мне очень хотелось расспросить, какие отношения у нее с этим монстром, что еще он ей сказал. Но я боялся спрашивать – боялся ее реакции. Потом. Я спрошу у нее потом. Сейчас мы оба слишком устали. И просто сидели рядом, молча глядя в окно и жмурясь на солнце.

Шло время. Но Крис не становилось хуже. Болезнь как будто отступила. И новых признаков вампиризма не появилось. Мы переехали в новый дом – неподалеку – и Кристин пошла в другую школу. Она выглядела и вела себя как обычная девочка. Мы почти не говорили о том, что случилось. И отношения наши были прежними – обычными отношениями отца и дочери. Я любил ее, и она принимала мою любовь и заботу. И, наверное, любила меня. Но раз в месяц приходил Он. И проводил одну ночь в ее комнате. Мы не говорили об этом. Почти не говорили. Если я пытался – Крис замолкала, всячески показывая, что не намерена продолжать разговор. Я пытался подслушивать под дверью, но не слышал ровным счетом ничего: ни голосов, ни шагов, ни шорохов – в комнате стояла гробовая тишина. Я даже подумал, что там никого нет –

дернул ручку, но было закрыто. Тогда я постучал. Ответа не было. Я начал ломиться в дверь и звать дочь: и она, наконец, открыла. На Крис по-прежнему была дневная одежда, и лицо ее было бледным, серьезным и почти суровым:

– Я же просила тебя...

– Но я должен знать... – я заметил движение за ее спиной: в сумраке комнаты, у окна, на стуле сидел он – все такой же темноволосый, черноглазый и в темной одежде. Его можно было принять за человека, если бы я не знал, что это за тварь. Я услышал его тихий голос:

– Если хочешь, чтобы твоя дочь выжила – оставь ее в покое. Ты уже сделал свой выбор. Теперь ей решать.

– Он не причинит мне никакого вреда. А вот ты можешь – если не уйдешь, – и Крис закрыла дверь.

В отчаянии я уселся у стены, обхватив руками колени. Выбор. Да. То был мой выбор и моя вина. Ведь это я решил за дочь, давая ей лекарство. Я привел монстра в дом. Спас ее жизнь такой ценой.

Я лишь надеялся, что будущее не заставит меня сожалеть об этом по-настоящему.

«Bloody Mary»¹

Капля крови. Вторая, третья. В стопку с кристально прозрачной и кристально крепкой жидкостью. Залпом в глотку. Вдох. И выдох. И пальцы на клавиатуре ноутбука уже не такие холодные. Но менее послушные. Лицо в призрачном голубом свете экрана. И пустота – по обе стороны от него.

– А, какого черта, – он встал, захлопнул ноутбук. Потер пальцами виски:

– Я устал. Устал.

Подошел к окну. Минутное раздумье – и окно распахнуто. Свежий ночной ветер лицо. Глубокий вдох – легкие наполнила бодрящая прохлада. Неохотный выдох.

– Мне нужно что-то делать. Что-то сделать – иначе я сойду с ума.

Шум ночного города.

– Я должен бежать, убежать отсюда. Туда, где больше простора, больше воздуха. Больше свободы. Прямо сейчас? – он покачал головой, – Нет, не будем делать глупостей. Подождем до утра. Нужно же собраться. Да. А сейчас – спать. Спать.

Он прикрыл окно и повалился на постель, успев подумать, засыпая: «Я сошел с ума – я разговариваю сам с собой».

За окном уже начинало светать.

¹ «Bloody Mary» – «Кровавая Мэри» – коктейль из водки с томатным соком.

Другое море

– Как странно, что за окном ничего не видно, – Джозеф не смог придумать ничего лучшего, чтобы прервать затянувшуюся паузу.

Кейт улыбнулась:

– А что ты хотел увидеть в тумане Междумирья?

– Междумирья? А я думал, обычный туман – с моря натянуло.

«Ну вот, опять ляпнул не то. Друг мой, у тебя на лбу написано, что ты – профан. Так что, можешь даже не стараться», – Джозеф осторожно взглянул на девушку, ожидая увидеть на ее лице насмешку или снисходительную улыбку. Но нет, Кейт сидела, задумчиво-отрешенно вертя в руках опустевший бокал.

– Я никогда не видела море.

– Никогда-никогда?

Она кивнула.

– В твоём мире нет морей?

– Есть. Но их нет там, где я живу.

Джозеф подумал: как это грустно – никогда не видеть море. Сам же он жил в небольшом портовом городке, где море было неотъемлемой частью жизни, даже для него – преподавателя изящной словесности в колледже. Но ведь он может, наверное...

– Хочешь, я покажу тебе море?

Кейт смотрела в его внезапно оживившееся лицо:

– Что, прямо сейчас?

– Ну да. Почему нет? Ты же можешь пойти со мной?

Она на мгновение задумалась:

– Я – не Вездесущая, но... если ты *позовешь* меня в свой мир – думаю, я смогу, да.

– Тогда пошли, – Джозеф улыбнулся и встал из-за стола. Он оплатил счет и направился к выходу. Девушка следовала за ним. Джозеф уже собирался открыть дверь таверны, но Кейт остановила его:

– Подожди.

Он обернулся.

– Возьми меня за руку. Иначе я не уверена, что шагну в твой мир, а не в свой.

Джозеф взял ее маленькую мягкую ладонь в свою руку, впервые почувствовав ее тепло.

– Ну что, рискнем?

Она кивнула.

Джозеф раскрыл дверь и сделал шаг навстречу холодному и сырому осеннему вечеру.

Они оказались на улице, застроенной двух-трех этажными домами и вымощенной булыжником. Сырой ветер с моря гнул ветви деревьев и забирался под пальто. В сточной канаве, журча, бежал мутный поток. Да, это, определенно, был его родной город. И Кейт стояла рядом. Она разглядывала всё вокруг с видом человека, попавшего в совсем иной мир. Ну да так оно и было. Но через пару минут она спросила:

– А где море?

Джозеф указал рукой вниз по улице: там, между домами, виднелось серое колышущееся пространство, убегавшее за горизонт.

– Идем?

Она кивнула.

Постепенно дома расступились, и город остался позади. По каменным ступеням Джозеф и Кейт спустились к самому берегу. Вместо каменной мостовой под ногами теперь расстился

серый крапчатый песок. Но Кейт его едва замечала. Она смотрела на серо-зеленые водяные холмы, бегущие к берегу и, достигнув его, взрывающиеся с шумом, плеском и пеной, разбиваясь о камни волноломов – словно упрямые воины, атакующие раз за разом. Снова и снова. Стихия воды, воюющая со стихией земли.

А Джозеф смотрел на нее. На то, как ветер треплет ее короткие черные волосы; на ее зеленые глаза, в которых ходили волны и которые сейчас были продолжением моря.

– Я хотела бы остаться здесь навсегда, – сказала Кейт тихо. И Джозеф неожиданно для себя подумал, что он тоже хотел бы этого – хотя они знакомы всего несколько часов.

– Тогда почему бы тебе не остаться?

Она горько покачала головой:

– Ты не понимаешь. Я не выживу здесь. Это – не мой мир.

Кейт наклонилась, подняла с песка первый попавшийся камешек-гальку и положила его в карман:

– Пойдем. Я хочу вернуться.

– Так скоро?

– Да. Иначе уйти будет труднее.

И они отправились обратно к таверне. Лишь раз Кейт обернулась – на верхней ступени лестницы – и бросила прощальный взгляд на море. А Джозеф задумался: нужно ли прощаться с тем, что тебе нравится. Или с кем.

В таверне они уселись за свой же столик. Кейт, всю обратную дорогу не проронившая ни слова, молчала и сейчас. Так что Джозефу снова пришлось делать это самому:

– Хочешь еще выпить?

Она кивнула. Джозеф сделал знак бармену, и им повторили их прежний заказ. Кейт отхлебнула из своего бокала несколько раз и, уже немного взбодрившись, спросила:

– А чем ты занимаешься в своем мире?

Джозеф на мгновение задумался: не стоит ли придумать себе более героическую профессию; но решил сказать правду:

– Я преподаватель изящной словесности в колледже.

– Что значит «изящной словесности»?

– Я учу людей любить слово и пользоваться им.

– О, – Кейт улыбнулась, – А сами они этого делать не умеют?

– Представь себе, не всегда, – Джозеф рассмеялся, – А чем ты занимаешься?

– Ну, можно сказать, я управляю машинами.

– Но ты же – женщина... А это...

– Слишком сложно для женских мозгов?

– Неет... Я не думал, что это может быть интересно женщине.

Кейт фыркнула:

– Представь себе, интересно. Хотя... не всегда, – она вздохнула и снова задумалась.

– Мой мир... в нем так много людей. Так много машин. Так много всего... просто море, – она вдруг вскинула голову и посмотрела на Джозефа, – Море. А ведь у меня тоже есть свое море, – Кейт улыбнулась, – Оно совсем другое. Но... – она склонила голову на бок, – Хочешь, я покажу его тебе?

Джозеф растерянно поморгал, но потом сказал:

– Да. Хочу.

Кейт с улыбкой взяла его за руку:

– Идем.

На это раз за дверью таверны было совсем темно, и Джозефу потребовалось время, чтобы глаза привыкли, и он стал различать хоть что-нибудь вокруг. Сейчас они с Кейт стояли в темном и довольно грязном переулке – вокруг только стены, и лишь над головой небо, освещенное заревом. Кейт, между тем, уселась на какую-то двухколесную машину, напомнимшую Джозефу велосипед, но без педалей, и указала ему на место позади себя. Стараясь скрыть смущение и неловкость, Джозеф все же уселся и, поколебавшись, даже положил руки девушке на плечи.

– Держись крепче, – улыбнувшись, Кейт завела машину. И Джозеф довольно быстро понял, что держаться нужно очень крепко: дома, улицы, другие машины и пешеходы так и мелькали по сторонам. И всё, что он успевал замечать – это контраст мрака и огней.

Через несколько минут такого передвижения Кейт остановилась у подъезда высокого здания. Очень высокого – Джозефу пришлось задрать голову, чтобы увидеть его крышу.

– Пойдем, – Кейт направилась к дверям.

– Привет, дядя Том, – она дружески кивнула охраннику, дежурившему у входа. Тот кивнул в ответ:

– Ты сегодня не одна?

– Нет. Сегодня я с другом.

Джозеф посчитал нужным смущенно улыбнуться. Следом за девушкой он зашел в совсем маленькую комнатку, Кейт нажала кнопку, двери закрылись, и по легкому дрожанию пола Джозеф понял, что они движутся. Его охватил легкий приступ клаустрофобии, и чтобы побороть его, Джозеф принялся смотреть на Кейт. На бледную кожу ее лица, затененные ресницами глаза, мягкие очертания губ и... понял, что рискует ощутить прилив совсем иного рода. Но тут, к счастью, или к несчастью, двери подъемника раскрылись, и Джозеф оказался в небольшом полутемном помещении.

– Почти пришли, – девушка шагнула на ступени лестницы, ведущей наверх. Несколько пролетов – и снова дверь. А за ней... море. Море тьмы и огней. Огней было больше. Но без тьмы они ведь не были бы заметны. И они жили, эти огни. Они двигались, струились, замирали, мерцали, гасли. Разгорались с новой силой и на новом месте. Реки и ручьи огней, вместе они сливались в море – огромное, бескрайнее, бесконечное – до горизонта. Словно вскрытые артерии самой Жизни, они пульсировали в такт биению сердца Города. Столь огромного, что Джозеф и представить себе не мог. Что может быть столько людей в одном месте. И столько света. Он стоял, поглощенный простором и морем огня, плескавшимся и в его глазах. И, казалось, лишь вечность спустя, он посмотрел на Кейт. Она улыбалась:

– Вижу, тебе тоже понравилось мое море.

Джозеф кивнул:

– Да. Я хотел бы увидеть его снова. Но остаться бы здесь я не хотел.

Улыбка Кейт стала грустной. И она понимающе кивнула.

Вернувшись в таверну, они оба некоторое время молчали. Потом Кейт заговорила:

– Спасибо, что показал мне море.

– Спасибо, что показала мне своё.

Кейт мотнула головой:

– На самом деле ты еще не видел Город.

Джозеф согласно кивнул:

– И ты могла бы лучше узнать Море.

Кейт кивнула:

– Когда-нибудь. Возможно.

– Когда-нибудь.

На несколько мгновений оба замолчали. Потом Кейт поднялась из-за столика:

– Мне пора. Рада знакомству, – она чуть улыбнулась.

– Да. Я тоже, – Джозеф просто не знал, что еще сказать: слова разбежались в голове, –
Еще увидимся?

– Думаю, да. Я бываю здесь раз или два в неделю.

– Да. Тогда... до встречи?

– До встречи, – Кейт улыбнулась, – Джозеф.

Петля Нестерова

Над головой моей, крышами вниз, плыл заснеженный город. Деревья застыли белым кружевом. Две реки сливались в одну ледяную дорогу, уходящую в безмолвие.

Я падал в Зиму. И она стремительно неслась навстречу.

Но мои крылья послушны – я выхожу из петли, и небо вновь над головой.

Начинается снегопад, и я так погружаюсь в Зиму. Она вокруг меня, танцует снежинками; ледяные вихри скрывают мир, и вскоре лишь сила тяготения дает понять, где земля в этом снежном мороке.

Земля, которая ждет. Я вернусь к ней.

Я надеюсь.

Охотник на солнечных зайцев

Зимой в наших краях нечего делать. Разве что ловить снежные буранчики. Но на них в последнее время небольшой спрос, и дорого не продашь. Потому я отсыпаюсь. Жду весны. И начала сезона охоты на солнечных зайцев.

Конечно, их можно ловить круглый год. Но зимой солнца мало и оно слабое. Осенние зайцы – тусклые и вялые. И хранить их долго нельзя – портятся. А вот весенние – самое оно. Правда, с мартовскими зайцами нужно быть осторожным – они абсолютно безумны.

В прошлом году я чуть не утонул из-за такого зайца. Что, вы не знаете, что лучше всего их ловить у поверхности воды? Берете лодку и зеркальные ловушки – и вперед. Весной в солнечный день улов вам гарантирован. Но говорю, будьте осторожны – иначе кувырнетесь с лодки, как я. Присмотрел одного особо яркого зайца – так и сиял, и скакал на ряби речной – потянулся за ним с ловушкой в руке и не рассчитал – Плюх! – и уже за бортом, и намокшая одежда тащит вниз. Плаваю я не очень хорошо. Всё, думаю, взяла меня себе Река, не отпустит. Вернее, это я потом подумал. А тогда с перепугу и со всех сил рванул к зеркальной поверхности воды – и вынырнул как-то. С тех пор привязываю себя к лодке, что и вам советую.

Что, говорите, зачем так рисковать? Нельзя, что ли, взять зеркало и самому напускать зайцев? Э нет, польза-то только от тех, что сами рождаются. Таких солнечных зайцев ценят. И хорошо покупают. Я их обычно сдаю магам и волшебникам. Сейчас их, правда, все меньше в нашем городе. Но у меня есть свои постоянные клиенты.

Не, не скажу – сами их ищите. Да будто ни разу не покупали у них, у волшебников. Они берут у меня зайцев для солнечного волшебства. Используют их для заклинаний или снадобий. Девушкам – для блеска волос и солнечной улыбки, старикам – для бодрости. Всем прочим как средство от депрессии. А еще, сами подумайте, солнечные зайцы – неплохое оружие от нечисти, что не любит свет.

Вот потому я жду весны. И начала сезона охоты на солнечных зайцев.

Пепел и пламя

Внутри конверта был пепел.

Мариам высыпала его на ладонь и потрогала пальцем: мягкий, серебристо-серый, похожий на мелкий песок. Пора. Да, пора. Мариам и сама знала это. Но ей предпочли напомнить.

Сборы были короткими – вещи ей не нужны. Через несколько часов Мариам уже летела в самолете. Время поджигало. Она чувствовала это. Но почему-то не решалась сделать то, что должна. И теперь Мариам чувствовала растущее пламя внутри себя. Она была смертельной угрозой для людей вокруг, но решилась на этот риск – больше нельзя было медлить. Она контролировала себя. Она знала, что справится. Что всё будет хорошо. И потому решилась лететь.

Благополучно приземлившись в аэропорту Каира, Мариам наняла другой самолет – маленький и легкий, доставивший ее в небольшое селение на краю пустыни. Здесь она позволила себе передохнуть, и лишь когда стемнело, стараясь быть незаметной, отправилась в путь. В пустыню. Туда, где не было никого и ничего, кроме песков и ветра. И звезд над головой.

Мариам шла всю ночь. Она старалась уйти как можно дальше – туда, где никто не мог увидеть ее. Когда небо на востоке просветлело, она опустилась на песок без сил. Оставалось только ждать.

Солнце, жаркое солнце пустыни, поднималось всё выше и выше. Оно казалось огненным шаром – чем, по сути, и было – горячий океан плазмы. Через все миллиарды километров, отделяющие дневную звезду от Земли, Мариам чувствовала его жар. Свет, струящийся на неё. Изливающийся благодатью. Она встала, расправила плечи и подставила лицо солнечным лучам, охватившим всё её тело. И оно вспыхнуло, как огненный цветок, распустилось лепестками пламени. На несколько мгновений, казавшимися вечностью.

А после... остался лишь пепел. Мягкий, серебристо-серый. Похожий на мелкий песок.

На вершине бархана явился путник. Высокий, в светло-серых одеждах, он держал под уздцы верблюда. И смотрел вниз – на холмик пепла.

Мужчина спустился по склону, опустился на колени и осторожно принялся разгребать пепелище. И вскоре нашел то, что искал: маленькую девочку, новорожденную – вернее, пере-рожденную. Маленького Феникса. Он бережно спеленал ее в светлую ткань, прижал к груди и, забравшись на верблюда, отправился в путь. Туда, где он и Мариам будут в безопасности.

Сыну от матери

Мальчик мой, прости меня. Вернее, нет, ты можешь меня не прощать – просто живи и постарайся быть счастливым. Нет, постарайся быть мужчиной. Чтобы твоя мать гордилась тобой. Хотя... какое тебе дело до матери, которую ты никогда не увидишь.

Я боялась, что тебя убьют. Нет, я знала это. И потому спрятала тебя. В том числе и от себя самой. Я не знаю, где ты; как ты растешь; кто рядом с тобой. Надеюсь, что добрые люди. Что тебе есть, на кого опереться. Есть, кому быть опорой.

Я молюсь за тебя, не зная, жив ли ты. В моих молитвах ты жив. Сердце матери всегда желает лучшего, готовясь к худшему. И потому я молюсь всем богам, которых знаю. И те, кого не знаю – пусть берегут тебя.

Я надеюсь, что ты растешь сильным и свободным. Таким, каков был твой отец. За что он и поплатился. Пусть тебя минует его судьба. Пусть, унаследовав его ум и силу, ты будешь лишен его порока – гордыни. Но не гордости.

И я надеюсь, что я услышу о тебе. Пусть даже никогда не увижу.
Пускай увижу – но останусь неузнанной.
Лучше быть вдали от живого сына, чем обнимать мертвого.
Но я – твоя мать, и навсегда ей останусь.
Помни обо мне, не зная меня.
И помолись обо мне.
Сын мой.

Хватка

– Тебе надо попробовать! Это такой удивительный опыт! – Ольга буквально тянет меня за руку.

– И далеко идти не надо: видишь во-о-он там парк – где высокие деревья? – она указывает куда-то за окно.

Мне это абсолютно не интересно: я приехала сюда работать, а не участвовать в дурацких обрядах. Нужно выспаться, а завтра отнести в мэрию проектную документацию.

– В мире много чего удивительного. Это не значит, что всё это надо пробовать. И вообще, я спать хочу, – высвободившись из ее цепкой хватки, я продолжаю методично разбирать чемодан.

– Мне сказали тебя встретить и всячески развлекать, – Ольга кривит губы, – Кто ж знал, что ты такая зануда.

Да плевать, что обо мне подумают эти местные клуши. Наверное, они тут с тоски помирают – вот и развлекаются. А мне нужно быстренько утвердить проект магистрали и свалить домой.

– Ну, если передумаешь, только скажи, – не сдастся моя новая знакомая, – Давай хоть посидим вечером в баре, выпьем – за то, чтобы у тебя всё прошло удачно.

Да, за это стоит выпить. И я соглашаюсь: немного расслабиться, всё же, не помешает.

Мы сидим с Ольгой на террасе бара моей гостиницы: я потягиваю пиво, она – коктейли. Летний вечер во всей красе – «тишь да гладь да Божья благодать». Но я предпочла бы купаться в море, а не согласовывать проект федеральной трассы с администрацией очередного городка.

– Так это вы – тот самый столичный инженер, что хочет сгубить наш город?

Оборачиваюсь, едва успеваю подумать: «Что за бред?» Рядом с нашим столиком стоит пожилой мужчина: высокий, сухощавый, сверлит меня темными глазами из-под густых бровей. Смотрю на него в некоторой растерянности.

– На вид такая милая девушка, – его лицо смягчается, – Вас никак нельзя заподозрить в коварных планах.

– Потому что у меня их нет, – отвечаю довольно резко, глядя на него снизу вверх.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.